

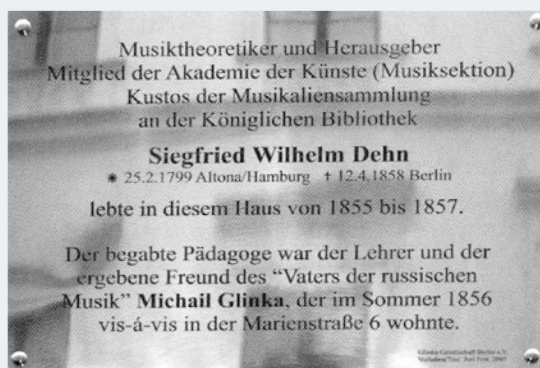
Памятная доска М.И. Глинки на Мариениттрассе, 6
Установлена 27 ноября 2012 года

Последняя, в дополнение к принципам вокального письма Италии, оснастила Глинку методиками формообразования. Основываясь на познанном в Германии творчестве старых мастеров-полифонистов, а потом и на творчестве венских классиков, Глинка пришел к тем симфоническим принципам, которые, в сплаве с русской интонационностью, легли в основу всей профессиональной русской музыки. Роль города Берлина в этом процессе огромна.

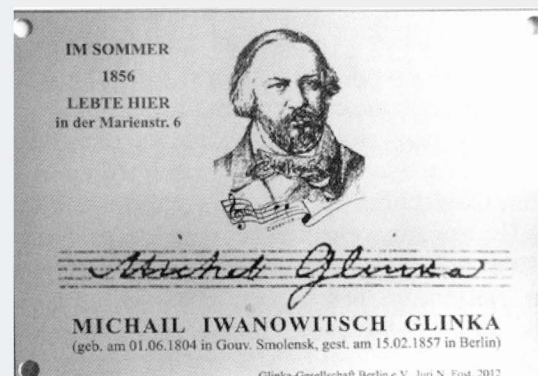
В Берлине Глинка бывал пять раз, при этом два раза – в 1833-м – 1834-м в 1856-м – 1857-м – жил там по несколько месяцев. Берлин Глинка любил. «Спокойно мне в Берлине», – писал он своим адресатам. – «Меня здесь любят и называют: unser Kapellmeister – по-русски: наш капельмейстер». Знаменательно, что именно с Берлином связаны поворотные моменты в жизни Глинки. А ведь мы знаем: история распорядилась так, что все, происходившее в его творческой судьбе, становилось судьбой музыкальной культуры России в целом.

В Берлине Глинка обрел своего единственного серьезного учителя композиции. Им стал Зигфрид Вильгельм Ден. Крупнейший исследователь музыки и преподаватель контрапункта, хранитель берлинской нотной библиотеки, издатель музыкального журнала, он открыл Глинке (а впоследствии и Антону Рубинштейну, тоже ставшему его учеником) законы полифонической формы – законы построения фуги. Стоит ли говорить, что в глинкавской России не было столь развитого музыкознания и фундаментальных исследований в области истории музыки? А также и учителей, дающих уроки композиции. «Нет сомнения, что Дену обязан я более всех других моих «maestro», – пишет Глинка в «Записках».

Берлин стал городом, где Глинка под руководством Дена освоил огромный пласт культуры старых мастеров – Генделя и Баха – и обрел вкус к полифонии и музыкальной логике. Это произошло в его первый приезд – в 1833 – 1834

Памятная доска З. Дену на Мариениттрассе, 28
Установлена 11 апреля 2008 года

годах. Без этого освоения невозможной была бы ни подголосочная полифония «Жизни за царя», ни контрапунктические построения «Руслана». И опять же: вся полифоническая традиция русской музыки XIX и XX веков, вплоть до поздних симфонических фуг Шостаковича, базируется на глинкавской традиции.

Берлин также оказался городом, где Глинка познал закономерности сонатной формы и симфонического развития. Этому были посвящены июньские дни 1844 года, когда, опять же с Деном, он изучал творчество венских классиков. Большие симфонические полотна, такие, как «Вальс-фантазия» (вторая редакция), «Камаринская», испанские увертюры «Арагонская хота» и «Летняя ночь в Мадриде», были бы невозможны без опыта освоения европейских симфонических принципов.

В Берлине Глинка подружился с Джакомо Мейербером – их встреча состоялась в 1852 году. А благодаря Мейерберу с Глинкой познакомилась Европа – будучи придворным капельмейстером Фридриха Вильгельма IV, Мейербер включил фрагмент его первой оперы в свою программу.

И это тоже произошло в Берлине. 21 января 1857 года в Королевском дворце на Шпрее в присутствии композитора и под управлением Мейербера прозвучало трио из «Ивана Сусанина». Музыка Глинки имела успех, а сам факт ее появления в афише придворного концерта был фактом официального признания русского композитора в Европе. «Я – первый из русских, достигших такой чести», – писал Глинка в письме к сестре.

К сожалению, в тот же вечер Глинка простудился, потом слег и больше уже не встал.

Торжества 2014 года организовали люди, чьими стараниями поддерживается память: председатель Берлинского общества имени М.И. Глинки Юрий Фост и его заместитель, руководитель проектов и концертных программ Жанна Круглякова. Благодаря усилиям